

ных на формирование поведения нейтральных сил, врагов и друзей в ситуации мира, кризиса и войны». То есть сетевая операция проводится до начала горячей фазы, до её пуска; во время — чтобы курировать все происходящие процессы; и после — чтобы зафиксировать и закрепить результаты. Иными словами, сетевые войны, в отличие от войн предыдущих эпох, *идут всегда и против всех*.

Социальные сети как оружие десуверенизации

Если подвести некий промежуточный итог, становится понятно, что сетевые войны — это явление, которое не всегда связано с Интернетом, но всегда связано с таким понятием, как сеть. В сети участники — субъекты, акторы, объекты, узлы — выстраиваются не вертикально, как в традиционных обществах, а горизонтально. Сеть нелинейна и многосложна, все её узлы связаны между собой бесконечным количеством связей. Французский философ-постмодернист Жиль Делёз описал это с помощью концепта так называемой *ризомы*, или клубневой системы. Если выпадает один элемент сети — связь не прекращается, а осуществляется через другие узлы, в обход выпавшему. Невозможно прекратить действие сети вычлениением одного из клубней, в этом случае сеть продолжает функционировать, чего не скажешь о вертикали, которая в случае вычлениения одного из элементов прерывается, перестает действовать — сигнал дальше не проходит, что делает вертикаль уязвимой. Сеть же практически неуязвимая и лежит в основе сетевых войн.

Сетевые войны — это именно военная технология, официально принятая на вооружение Пентагоном. Основой сетевых войн является такой технологический подход, как *effects-based operations* — «операции на базе эффектов» (ОБЭ). В открытых источниках его более-менее подробно описал американский эксперт Эдвард Алан Смит в одноимённой книге. Эта техно-

логия поставлена на вооружение американской сетевой империи для захвата территорий с минимальными издержками. Прежде всего речь идёт о фрагментации и захвате государств Евразийского континента, что зачастую происходит без использования обычных вооружений. На сегодняшний день это наиболее гибкая, современная и деликатная, но при этом эффективная и тонкая технология. Обычные вооружения используются здесь только в крайних случаях, на завершающей стадии. Но чаще контроль над пространствами устанавливается, вообще минуя военную стадию — посредством так называемых «цветных революций». Успешных примеров масса, среди которых — бархатная «оранжевая революция» на Украине, создавшая предпосылки для вооружённого мятежа в феврале 2014-го, «революция роз» в Грузии. До этого подобные события происходили в Восточной Европе, в частности в Югославии, позже — на постсоветском пространстве. Ещё ранее без прямой военной агрессии был уничтожен Советский Союз. Те же прибалтийские республики отделялись в соответствии с уже упомянутой здесь технологией ненасильственного сопротивления — подходом, разработанным американским политтехнологом Джином Шарпом. Но основа подобных процессов — это всегда сеть.

Но для того, чтобы с помощью сетевой технологии отторгнуть ту или иную территорию в пользу установления стратегического контроля со стороны США, её сначала нужно осетевить, то есть покрыть сетью. Неважно, какой, но это должна быть сеть, посредством которой и начинается работа с социальным пространством. Сеть может быть любого качества, но если речь идёт об общественных трансформациях, о *социуме*, то это, безусловно, социальная сеть. Часто в основе такой сети лежат общественно-политические структуры, или, как их сейчас называют, НПО, НКО — неправительственные, некоммерческие организации. Для осетевления неправительственные организации либо создаются с нуля под конкретные задачи, либо же используются готовые сети. Как правило, соз-

даваемая НКО декларирует в качестве своих основных целей реализацию каких-либо гуманитарных, социально значимых или культурных задач. С виду это может быть совершенно безобидная деятельность, например исследование культурных объектов, гуманитарная помощь, реализация проектов по консультированию кого-то в чём-то или гражданский контроль над тем или иным видом государственной деятельности. Редко когда НКО открыто декларирует какие-либо политические или тем более деструктивные цели.

Типичным примером структуры, создающей и развивающей сети на территории противника в интересах США, является «Фонд Сороса». Заходя на постсоветское пространство, он декларировал исключительно гуманитарные цели: издание книг, учебников, помощь учёным и реализация гуманитарных программ. Но все ангажированные «Фондом Сороса» неправительственные организации в итоге работали на американские интересы, а многие из них принимали непосредственное участие в свержении действующих режимов.

Часто подобными «гуманитарными» фондами скупаются уже готовые сети. Это происходит тогда, когда единомышленники и энтузиасты создают какие-то сообщества, движения или сетевые комьюнити для реализации общественно значимых задач. Но в тот момент, когда их деятельность выходит на серьёзный уровень, они зачастую начинают ощущать нехватку средств для расширения и развития. В этот-то момент и появляются представители западных фондов, которые подкидывают им небольшие деньги. В результате организации, получившие средства, чувствуют себя обязанными тем, кто их поддерживает, и в нужный час, когда стартует какой-нибудь американский проект на той или иной территории, они либо прямо подключаются к его реализации, либо соучаствуют на любом приемлемом уровне.

По мере возникновения необходимости к НКО обращаются их благодетели — вы, пожалуйста, придите туда, поддержите, скажите то-то и то-то, выйдите, сделайте... Но могут и не об-

ращаться напрямую — это демаскирует заказчика, — а просто сформировать граничные условия так, что организация сама выйдет куда надо и поддержит; это высшая степень сетевой эффективности. На Украине американцы скупили множество сетей за небольшие деньги, а потом попросили их выйти на Майдан, просто постоять. Ничего сложного. Они просто выходят и создают массовку, с помощью которой просто смещается действующий политический режим и просто приходит к власти другой режим, проамериканский. Действительно, ничего сложного. Даже если эта массовка Майдана выступает необходимым фоном для действий экстремистов, которые смещают легальный политический режим вооружённым путём, как это произошло в феврале 2014-го.

При этом общественным организациям не платят за то, что они приходят на Майдан, — платят статистам, политическим структурам. НКО же получают деньги на то, чтобы заниматься интересными для себя делами, исследовать краеведческие особенности, создавать СМИ, консультировать пенсионеров. Им дают деньги на социально значимую деятельность, и ничего с них не спрашивают. Но в какой-то момент им говорят: мы вам даём деньги, а вы и дальше можете осуществлять свои краеведческие исследования, но сейчас мы нуждаемся в вашей поддержке, всего-то нужно прийти поддержать плакаты на Майдан, можно же? Да, конечно, это несложно.

Собственно, американский след тех или иных денег не всегда очевиден. Американские фонды — это деньги государства США, по сути, деньги американских налогоплательщиков. Но в Евразию они поступают в основном через европейские распределительные фонды так называемых *грантовых операторов*. Например, через троцкистов, через антифашистов, антиглобалистов, экологов, поборников прав человека и демократии. Люди, которые получают эти деньги, принимают их от совершенно безобидных структур, скажем, от экологов, которые говорят, что это деньги на благие цели, на борьбу за чистоту среды, за то, чтобы развивать и поддерживать безот-

ходные технологии. Но в нужный момент эта сеть используется политическим образом, даже если изначально она вообще не была на это ориентирована. Порой активисты используемой НКО даже не предполагают ничего подобного. Это использование втёмную. Им не сообщают о том, что, выходя на улицу, они начинают работать на американские интересы. Это вообще не проговаривается. Хотя есть и те, кто идёт на это сознательно, но это уже политические активисты.

Интернет как модель сети

Социальные сети, что следует из названия, — это явление социальное, оно предусматривает искусственно сконструированную коллективную субъектность, представляющую часть общества, и отражает его среды, социальные группы, классы. Следовательно, социальные сети неоднородны, а их участники могут переконфигурироваться в зависимости от социального статуса, что делает такие сети довольно гибкими.

Для того чтобы использовать социальные сети в своих целях, их, как и в случае с НКО, нужно либо создать, либо купить в готовом виде. И то и другое требует инвестиций. Но в любом случае для реализации сетевых стратегий эти сети должны быть. Это могут быть *offline*-сети, состоящие из людей и сложившиеся естественным или искусственным образом. К естественным сетям можно отнести, например, любые этнические группы, некоторые религиозные общины, насчитывающие долгую историю, к искусственным — продавцов гербалайфа, сектантов, сети взаимовыручки автомобилистов и т. д.

И всё же оперирование социальными сетями — процесс довольно сложный и громоздкий. Куда проще взять в качестве субъекта атомизированного интернет-пользователя, который сидит у себя дома или на работе у своего компьютера или с переносным гаджетом в руках. Он уже подключен к Глобальной сети с множеством связей и пересечений с огромным количеством таких же пользователей-юзеров. Достаточно

их только правильно настроить, сконфигурировать любым необходимым образом. Если есть Интернет, субъектом сети становится любой отдельный *юзер*, который при этом одновременно является частью какого-либо общества — социума — со своими базовыми характеристиками.

Такому пользователю уже не надо осуществлять никаких социальных функций, никуда не надо ходить, ни с кем не надо встречаться, не нужно ничего специально предпринимать для поддержания функционирования сети. Можно просто сидеть у работающего компьютера, подключенного к Интернету. Таким образом, Интернет — это в разы более эффективная модель сети. Такого удобного юзера можно загонять в любые локальные, как их часто называют социальные, сети. Например, конкретный юзер может быть участником сети «Одноклассники», может иметь аккаунт в Facebook, а может иметь блог в «Живом Журнале» и быть связанным с огромным количеством пользователей всех этих сетей. Плюс ещё десятки систем, online социальных сетей, в которых можно состоять одновременно. В зависимости от задачи этого юзера можно легко перекоммутировать в любую сеть. Сюда же следует отнести и все другие сети, помимо Интернета, формирующие киберпространство. Таким образом, всё сетевое online-пространство «состоит из Интернета и множества других сетей компьютеров, которые не считаются доступными из Интернета»¹. Всё вместе это и представляет собой идеальную модель сети.

iPhone и его Обама

Чем действительно хорош iPhone, особенно для проведения «цветной революции», так это тем, что фирма Apple предусмотрела возможность прямой коммуникации между пользователями iPhone даже тогда, когда интернет-провайдеры

¹ Кларк Р. Нейк Р. Третья мировая война. Какой она будет? — СПб.: Питер, 2011.

заблокированы. Это очень удобно на случай, если власти, например Египта или Сирии, вырубают Интернет, как это в целом любят делать жёсткие, авторитарные режимы; теперь, мол, попробуйте сделать twitter -революцию — злорадствуют они. На это фирма Apple отвечает возможностью владельцам iPhone осуществлять между собой коммуникацию и взаимное оповещение через спутниковое соединение. Какая забота о пользователях! Недаром Стив Джобс незадолго до смерти был удостоен аудиенции у президента США Барака Обамы...

Американская фирма Apple, понимая американские же интересы на Евразийском континенте и осознавая то, как сопротивляются «авторитарные», «недемократические» режимы новейшим технологиям, приняла меры. От пользователей же, в свою очередь, требуется заблаговременно позаботиться о том, чтобы у каждого из них был iPhone с подключением к Twitter или любой другой массовой социальной сети. Об этом должны позаботиться американские сетевые лоббисты. В итоге мы слышим по телевизору, по радио, отовсюду, каждый день: модернизация, бла-бла-бла, iPhone, экономика, благосостояние, Twitter. Обязательно. У всех. Должен быть. Ты, конечно, можешь не соглашаться, не покупать гаджеты и не заводить аккаунты в соцсетях в знак протеста, но тогда ты просто не в фокусе, чувак, ты ренегат, лузер, непродвинутый, бго, ты просто выключен из сети, а значит, тебя нет...

Но коммуникация в отсутствие Интернета — это ещё не предел возможностей компании Apple. В каждом iPhone, как утверждают продвинутые юзеры, есть файл, в который записывается маршрут передвижения человека с этим iPhone, а также фиксируется информация о его местонахождении, копируются контакты и весь контент, включая фото, видео и телефонную книгу. Помимо этого последний наиболее продвинутый iPhone даже снимает у вас отпечатки пальцев. Аккуратно складывая полученную информацию в отдельный файл, навороченный гаджет, отличающийся смышлёностью и самостоятельностью, время от времени отправляет собран-

ную информацию в... Нет, не в ЦРУ, а в корпорацию Apple. Ну а уж оттуда, учитывая дружественные связи, вполне возможно информация и попадает в ЦРУ, Госдеп, АНБ, где, как утверждает «герой России» Эдвард Сноуден, каждый владелец iPhone как на ладони. И всё это делается — вы не подумайте ничего плохого, — в интересах вашей же безопасности.

Можно попробовать заблокировать гаджет и даже изменить его возможности на прямо противоположные. Для этого нужно всего лишь открыть iPhone, залезть туда с паяльником, выпаять микросхему и впаять другую. И тогда она будет вам присылать все данные из Госдепа. Но это нужно быть таким молодцом с паяльником. В любом случае нам остаётся лишь освоить эти технологии и поставить их себе на службу. Потому что без этого мы оказываемся в состоянии некоего пассивного стада. Бытовые потребители iPhone, Twitter, Интернета — мы включаемся и, слепо веря в то, что это всё ради прогресса, комфорта, в конце концов, становимся безликой массой юзеров, которых контролируют, которыми манипулируют, — вышли, возмутились, одних убрали, других смели. Хоп! — и здесь уже американская демократия, а был такой устойчивый, авторитарный, недемократичный режим. А ведь мы просто нажали на кнопку, посмотрели, перепостили, сходили, постояли, рот открыли — и вот мы уже участники чужих процессов. Раз — и на тебе другой режим, а мы живём в другом государстве. Такая пассивная управляемая масса очень удобна.

Но пока что мызираем на происходящие процессы как сторонние наблюдатели. Ведь сегодня это где-то там, так далеко — в арабском мире, в странах Магриба, в Северной Африке как по мановению волшебной палочки в различных государствах, в одном за другим, вспыхивают волнения, и режимы этих государств падают. А кто не падает, того вдалбливают натовскими бомбардировками в грунт вместе с режимом, с городами, с населением — со всем, что есть. Чтобы у других не возникало особого желания сопротивляться, глядя на цветущую

щий демократический Афганистан, на Каддафи или на Саддама Хусейна. Кто-то же переходит под американский контроль совершенно безболезненно. И их руководители совершенно не понимают, что же это было, — так всё стремительно произошло: «Я всё тут настроил, отладил. И что? Неделя — и я уже сижу арестованный. А ведь ничто не предвещало...»

Интернет — квинтэссенция сетевого принципа — сеть максимально гибкая, быстрая и дешёвая: предельно эффективно осетевить всё — это значит покрыть всю планету Интернетом. В каждой школе, детском саду, не говоря уже о государственных учреждениях, — везде должен быть Интернет, а у каждого в руках — iPhone, iPad и twitter-аккаунт. Везде. Даже в самых дальних аулах. Быстрее модернизируйтесь! — таков посыл особо рьяных сетевых лоббистов. Надо торопиться. Вопрос только — куда.

А пока что на большей части поверхности планеты — сетевые войны — это явление, связанное с социальными offline-сетями, с живыми людьми и их организациями, используемыми американскими политическими элитами в своих интересах.

Twitter-революции возможны не везде

Простота доступа в сеть, возможность гибкой переконфигурации и динамичного управления не может не вызывать соблазна использовать киберпространство для достижения конкретных технологических целей, в первую очередь по установлению внешнего контроля, смене политических режимов, разрушению инфраструктуры противника и т. д. Подобные успешные операции, реализуемые посредством социальных сетей, уже вошли в специализированные методички по сетевым войнам. Взять, к примеру, тот же самый Twitter. На постсоветском пространстве не понаслышке знают о таком явлении, как twitter-революция, с помощью которой осуществляется смена политических режимов. В частности, в Молдавии twitter-

революция была реализована в чистом виде, о чём и было широко заявлено её участниками¹.

На практике это выглядит примерно так: человек, подключенный к сети Twitter, получает оповещение о каких-либо процессах, движениях, выступлениях, происходящих событиях, не оставляющее его равнодушным. Он оповещён, и в силу тех или иных причин, движимый собственными представлениями, перепощивает² это оповещение. В результате все его фолловеры³ получают это же сообщение и в свою очередь тоже осуществляют репост. Таким образом происходит верообразное, каскадное оповещение огромного количества пользователей. Причём это не совсем случайные люди, но уже какая-то социальная выборка, сложившаяся по тем или иным критериям аудитория, сообщество по интересам, люди со схожими взглядами, близкими воззрениями, эмоционально связанные, использующие единый понятийный аппарат общения. Это социально активные, функционирующие, подключенные, осведомленные и понимающие суть технологии люди — *skilful individuum* — выборка качественных людей, имеющих взгляды, суждения, собственное — продвинутое по отношению к большинству обывателей — мнение. Эффект от такого оповещения совершенно иной, нежели от трансляции по радио или от публикации в газете, когда покрываемое социальное пространство разнородно, аморфно и пассивно.

¹ Панкин С. Твиттер вам всем // Информационно-аналитический портал «ЕВРАЗИЯ», 11 апреля 2009 // Электронный ресурс, режим доступа — <http://evrazia.org/article/917>

² От *перепост* — размещение у себя в блоге производимого другим пользователем интернет-сети постинга. В свою очередь, *постинг* — это элемент общения на форумах, в блогах, соцсетях, предполагающий написание осмысленных сообщений — постов (от жарг. англ. post — «сообщение на форуме, в блоге и т. д.»).

³ От англ. follower — читатель, последователь, подписчик. На twitter-сленге этим словом называют пользователя, который подписался на обновления аккаунта в Twitter.

При необходимости сетевые активисты как по сигналу синхронно выходят на улицу — в offline. Не потому, что они члены какой-либо организации и дисциплинированно подчиняются её воле, а потому что они мыслят и оценивают происходящее схожим образом. Выходя на улицу, они создают массовку, которая оказывает социальное давление и, например, вынуждает власть уйти — ненасильственными средствами заставляет отказаться от исполнения властных функций, в результате чего режим прекращает функционировать, а на его место приходит другой режим. Те же, кто не вышел, с помощью тех же средств соучаствуют в создании необходимого информационного фона, комментируя и ретранслируя одни и те же заранее сформированные месседжи. Такое смещение власти получило у западных технологов название «революция», хотя в буквальном смысле она имеет мало общего с революциями как они понимались в эпоху модерна.

В идеале такая «революция» осуществляется совершенно бескровно, ненасильственно, посредством разового массового оповещения тысяч или десятков тысяч людей. Это очень эффективно в плане соотношения затрат к полученному результату. Но для того, чтобы эту модель реализовать, нужно, чтобы под рукой было большое количество людей, подключенных к сети Twitter или другим социальным сетям. В конце концов, необходимо, чтобы заданное пространство имело интернет-покрытие, развитую структуру интернет-провайдеров, желательно — диверсифицированную и открытую. То есть для получения столь головокружительного эффекта пространство нужно осетевить с помощью сети Интернет, а потом насадить на осетевлённое пространство социальную сеть Twitter, что само по себе дорогостоящий инфраструктурный проект. Но, что главное, осетевление инфраструктурой реализуется за счёт самого государства — объекта сетевых стратегий, а значит, заказчик не несёт в этой связи прямых затрат. Его задача — сделать так, чтобы этих пользователей Twitter, вообще социальных сетей было как можно больше. Ведь для того, чтобы реализовать

twitter-революцию, нужно иметь соответствующую среду, то есть для этого в обществе должно быть достаточное количество активных пользователей социальной сети Twitter. Ещё один фактор — наличие большого количества обладателей сетевых гаджетов, таких как iPhone и iPad, — для большей мобильности, которая является в данном случае основным преимуществом, имеющих аккаунты в сети Twitter, что в итоге и создаёт необходимую сетевую среду, в которой и можно осуществить twitter-революцию. Если таких носителей недостаточно, то, согласно американскому плану, к процессу подключают специальных пропагандистов, которые популяризуют Twitter или другие сети. В процесс пропагандирования внедрения iPad и iPhone включаются медийные персоны — вплоть до крупных ньюс-мейкеров и чиновников. Политики и деятели культуры заводят аккаунты, СМИ ссылаются на записи в Twitter, это продвигается на федеральных каналах, небезызвестные нам люди напрямую призывают массы русских людей пользоваться Twitter и iPhone, демонстрируя это на личном примере.

Всё это способствует наращиванию сетевой социальной базы, которая создаёт среду для реализации данной модели. Высший пилотаж, когда под это удаётся подписать первых лиц государства, которые не только за счёт государства, но и личным участием осуществляют осетевление пространства, готовя его тем самым к сетевому захвату. Основной аргумент таких сетевых пропагандистов — для того чтобы быть продвинутым, современным, модным, надо пользоваться Twitter, а для этого желательно обладать iPhone и iPad, потому что это очень удобно и это обязательно нужно, пригодится: «Вот посмотрите, у меня есть!» Там же, где нет покрытия, «революция» гораздо дороже, ибо реализовывать её приходится средствами offline, работая с живыми людьми посредством НПО и НКО и в основном за свой счёт, о чём было сказано выше. Но если у юзера есть iPhone — задача упрощается и удешевляется в разы.

Однако и twitter-революции — это тоже несколько устаревшая технологическая модель, которая уже была успешно опро-

бована во многих государствах постсоветского пространства. Эта технология также давно раскрыта, описана в открытых источниках и считается по этой причине самими американцами отработанной, рассекреченной и слегка устаревшей. То есть и это уже не является последним словом в сетевых процессах. Но устаревшей она является там, где уровень технологического и сетевого развития ушёл далеко вперёд. В менее развитых с точки зрения социальных сетей обществах всё только начинается. А значит, может быть реализовано. К такому обществу инициаторы сетевых процессов относятся как к недоразвитому. Как к туземцам, впервые увидевшим изобретение представителя более высокоразвитой цивилизации...

То есть twitter-революции сегодня возможны не везде. К примеру, арабский мир не так развит в плане распространения информационных технологий. Здесь власти с этим борются, подавляют стремление населения массово пользоваться социальными сетями, многие режимы закрывают эти возможности для своих граждан. Да и в целом там люди относятся к этому несколько негативно, и, как мы могли наблюдать в течение 2011–2013 годов, не без основания. Соответственно там это срабатывает уже не всегда и не в полной мере, а американские стратеги всё чаще прибегают к старым, дедовским, нецивилизованным методам воздействия и захвата. Там живут другие, недостаточно демократические, по американским представлениям, люди. Кое-где есть и просто хорошо осведомлённые противники осетевления, понимающие смысл и инструментальность данного явления и не покупающиеся на эти «стеклянные бусы» западных цивилизаторов.

Коммуникации — оружие тех, кто знает, чего хочет

Ещё Наполеон сказал: война — это коммуникации. А сейчас коммуникации, инновации и технологии — это оружие. Но это оружие в руках тех, кто знает, чего он хочет. Америка знает, что хочет править миром. Она хочет глобального контроля